Белые Облака, Встреча И Прощальные Слова Приносят Удачу

Сун Цзин-гун был мошенником. Он всегда считал себя самым впечатляющим и просто не думал о других вещах, даже не зная, как часто общаться и обмениваться идеями со своими сверстниками. Так что можно сказать, что он действительно зациклился на себе.[1]

Чжан Сяобао воспользовался этой своей психологией, чтобы бесконечно мошенничать с деньгами. Каждый раз было немного, и он даже использовал привратника.

На следующее утро после возвращения, чем больше Сун Цзин-гун думал об этом, тем больше злился. Ради того, чтобы отомстить ранее, он взял с собой деньги, чтобы вернуться сюда в ту же ночь. Тот, с кем он столкнулся, был все тем же привратником, и с учетом опыта сегодняшнего утра, на этот раз, не дожидаясь ответа, он уже передал серебряную монету.

Он весил около половины таэля, что более чем в два раза больше, чем мистер Чжэн дал утром. Конечно же, привратник приветствовал его с улыбкой, взял деньги и, почти летя, вбежал внутрь. Вскоре после этого он вернулся с беспомощным выражением лица.

Он сказал: “Мистер Сонг, стюард в настоящее время проверяет счета. Вероятно, у него нет возможности встретиться с мистером сегодня. Возможно, было бы лучше прийти завтра пораньше.”

“Значит, хозяйка вашего дома здесь?” Сун Цзин-гун потратил половину серебряного таэля. Его сердце болело, ~не. Столько денег, ~ ах, было только что отдано привратнику.

Видя, что в это время поговорить со стюардом невозможно, он обратился с новой просьбой.

Кто знал, что, услышав эти слова, привратник, который только что обращался к нему с улыбкой, сразу же помрачнел, когда он холодно сказал: “Хозяйка моего дома не нуждается в заботе господина. Пожалуйста, уходите, мистер.”

Сун Цзин-гун замер, внезапно осознав, что нужно накормить двоих детей. В это время она, должно быть, кормила грудью детей, ~не. То, что он так расспрашивал о ней, было действительно слишком невежливо. Его лицо было смущенным, он не осмеливался слишком много разговаривать, когда выдавил из себя улыбку и повернулся, чтобы медленно уйти.

Пройдя несколько десятков шагов, он обнаружил, что в настоящее время идет к той семье, у которой вчера попросил ночлег. Думая о трапезе этой семьи, он сменил направление, направляясь к тамошнему поместью Вангов. Кто знал, что, хотя он и нашел дом, внешне выглядевший чистым, но после того, как он рассказал о своих намерениях, они на самом деле хотели 10 вэнь [наличными] в качестве денег на проживание, а расходы на питание также были удвоены.

Подумав, что еда в этой семье должна быть немного лучше, он стиснул зубы и принял ее. В конце концов, приехав сюда, в поместье Чжан, чтобы мошенничать, было нехорошо идти в поместье Гэ. Кто знал, что ужин после его доставки на самом деле представлял собой блюдо из куриных яиц и обжаренного чесночного лука? И это даже не шло ни в какое сравнение с теми куриными яйцами с обжаренным чесночным луком, ~ ne. По крайней мере, в этом блюде было больше куриных яиц.

Лежа на этой кровати, доски которой были почти прогрызены, под тонким слоем циновки был ковер из соломы[2], который причинял ему неприятные ощущения. Просто это было достаточно плохо, но в комнате на самом деле даже летали комары.

Для вчерашнего ночного сна люди этой семьи даже зажгли кусок веревки, сплетенной из китайской полыни [3], чтобы использовать в качестве средства от комаров, ~ne. Сегодня вообще ничего не было; эта комната даже примыкала к задней части этого двора.

Сквозь сломанную половину оконной ставни, освещенную лунным светом, можно было увидеть существ, которые громко хлопали крыльями, бродя внутри. Сун Цзин-гун даже не осмелился раздеться. Закрыв лицо одеялом с запахом, который он не мог определить, он совершенно не мог заснуть.

За окном нескончаемо стрекотали сверчки. В прошлом их прослушивание было еще одним видом вкуса; сегодня это было еще более своеобразным вкусом.

Поздняя ночная роса была обильной, так как овощи и фруктовые деревья, посаженные во дворе, бесконечно пропускали влажный воздух в комнату. Сун Цзин-гун почувствовал, что его руки и ноги стали ледяными. Ворочаясь с боку на бок, он свернулся калачиком, но все еще не мог избавиться от этого вида озноба.

“Старый отец, [4] Старый Отец, открой дверь. Давай кое-что обсудим.”

Сун Цзин-гун, который, наконец, не смог вынести такого рода пыток, поднялся, подошел к соседней комнате, осторожно постучал в дверь и заговорил только после того, как услышал вопросительный ответ изнутри.

“Что... почему ты не спишь, когда уже так поздно?” Дверь открыл человек лет 50 с чем-то, который зевнул и недовольно спросил.

“Старый отец, в моей комнате действительно слишком холодно. Интересно, можно ли мне одолжить тонкое одеяло?” Сун Цзин-гун не ожидал, что крестьянин действительно осмелится так разговаривать с ним, и печально вздохнул в своем сердце, говоря примирительным тоном.

“Какие там постельные принадлежности? Все это было убрано. Куда бы я пошел с тобой посреди ночи, чтобы найти его? Смирись с этим на одну ночь. О чем ты думал раньше, до этого?” Старый отец отверг его.

“Там действительно нет?”

“Не то чтобы его не было — есть новое стеганое одеяло, которое подарили моему внуку на свадьбу с женой. Его поставили на видное место; потратили целый 1 серебряный таэль, чтобы заставить людей сделать его.” Старый отец говорил, вздыхая о грозности семьи мастеров - они рассчитали даже это.

“Я куплю его. Серебряный таэль - я куплю его.” Глаза Сун Цзин-гуна были красными. Какое одеяло стоило 1 серебряный таэль? Может быть, это атлас?

“Это все еще утомительная попытка пойти за ним”, - ворчал старый отец, не двигаясь с места.

”Я добавлю еще 10 вен [наличными]". Сун Цзин-гун повысил гонорар.

“Подожди здесь”. Старый отец хмыкнул один раз и закрыл дверь, вероятно, зайдя внутрь, чтобы найти одеяло.

Только через четверть часа[5] он вышел и сунул свернутый предмет в руки Сун Цзин-гуна, прежде чем повернуться, чтобы закрыть дверь и установить перекладину.

Сун Цзин-гун обняла одеяло, чувствуя себя немного теплее. Вернувшись в свою комнату, он расстелил одеяло, чтобы лечь поверх своего тела, но все равно не мог заснуть, поэтому мог только смотреть во все четыре стороны, используя лунный свет.

Когда он огляделся, то увидел одеяло. Чем больше он смотрел, тем больше ему казалось, что что-то немного не так. Он не знал, был ли это лунный свет, который изначально был таким чистым белым, или это была проблема с цветом одеяла. Когда он присмотрелся к нему повнимательнее, чтобы увидеть, что он сделан из грубой нити. С этим набором 30 вэнь [наличными] считались бы слишком большими; самый дорогой не мог быть больше 50 вэнь [наличными], но на самом деле он потратил 1 серебряный таэль.

Это было достаточно плохо, но, видя, что эти окрашенные участки, очевидно, были накрахмалены и выстираны до тех пор, пока они не потеряли свой цвет и не стали грязно-белыми - это называлось новым одеялом?

Сун Цзин-гун был таким сумасшедшим, ~ ах. Поразмыслив над этим, он просто не стал спать и сразу встал, чтобы подойти к окну, когда открыл ставни другого окна, чтобы посмотреть на ночной вид, накинув на себя одеяло.

Так прошло несколько дней. Сун Цзин-гун потратил довольно много денег. Исключая то, что он дал Чжан Сяобао, этого было достаточно, чтобы составить 10 серебряных таэлей, включая жилье, еду и питье, а также подарки, но он встречался со стюардом Чжаном только один раз. Он действительно говорил об этом, но сказал только, что это партнерство для прибыльного

бизнеса.

Но стюард Чжан сказал, что он не в состоянии принять решение и должен доложить своей Хозяйке, чтобы она знала.

Кто знал, что это ожидание продлится еще несколько дней? Если бы он не потратил так много денег, он бы уже вернулся — кто бы здесь свободно слонялся? Но деньги были потрачены, а бизнес еще не был завершен. Он не был удовлетворен, ~ ах. Сегодня он, наконец, решил поехать в поместье Джи, чтобы остаться и не тратить эти неправомерные деньги.

“Сяобао, мы прибыли сюда на 20 дней?” На одном конце качелей в тени дерева сидела Ван Хуан, которая спросила об этом, энергично нажимая на спуск, чтобы поднять Чжан Сяобао с той стороны.

Чжан Сяобао сместил центр тяжести, чтобы Ван Хуан поднял его, и ответил: “Нет, всего 19 дней. Еще через 10 или около того дней должны появиться цыплята. Дождевые черви еще не выросли, поэтому поместите их в ванные комнаты крестьянских домов. О, они называются флигелями.[6] Если они едят личинок, не имеет значения, похоронены они или нет, но я боюсь, что они упадут в выгребную яму и умрут от утопления — их нужно будет кормить немного пищевого зерна”.

“Соус, ~не. Это почти сделано?”

“Еще рано, ~не. Все еще нужно сделать 20 с лишним дней”. Чжан Сяобао подсчитал количество дней, которые указал Эрниу.

“Ты уверен, что найдутся люди, которые его купят? Это не более чем немного остроты с мясом внутри.” Ван Хуан также энергично отступил назад, чтобы снова поднять Чжан Сяобао, поскольку они использовали это для тренировки силы своих ног и бедер, играя во время тренировки.

“Определенно, это не проблема. Подождите, пока соус выйдет, мы включим способы приготовления блюд с использованием соуса, которые будут отправлены вместе в эти гостиницы и рестораны, а также в магазины. Если они хорошо продаются, то они придут покупать соус. Давай отдохнем. Прошло уже 2 часа. Мои ноги были натерты до крови.

Через некоторое время пусть Сяохун пойдет на заднюю кухню и скажет им приготовить суп из водорослей и костей — разве водоросли не были куплены 2 дня назад? Немного дополните рацион; просто пить молоко тоже не годится, ~ ах.”

Чжан Сяобао спустился с этого конца качелей, чтобы выйти на улицу, где было солнечно, и погреться на солнышке.

Ван Хуан тоже последовал за ним, отправившись туда. С той стороны Сяохун поспешила на кухню, чтобы приказать людям приготовить что-нибудь, бросилась обратно, чтобы вынести маленький диванчик, чтобы поставить его в центре двора, и подняла зонтик. Сама она укрылась в тени, наблюдая за двумя маленькими предками и размышляя о своих собственных проблемах.

Обычно, когда у нее было свободное время, она шила одежду для себя и для Сяоци. На этот раз, что бы ни говорили другие, она не осмелилась. Если бы она позволила людям застать ее с иголкой и ниткой в руках во время ухода за детьми, то никто вообще не смог бы ей помочь.

“Сяобао, не продолжай лежать. Посмотри, сколько у нас денег. - спросила Ван Хуан, перевернувшись на другой бок и положив подбородок на диван.

“Денег не так уж много, но кое-что накопилось. Давай подождем. Ждем, пока осенний урожай будет хорошим.”

“Что ты хочешь сделать для осеннего сбора урожая? Продолжай чувствовать, что ты замышляешь что-то нехорошее.” До этого момента Ван Хуан все еще не знал, какие расчеты делал Чжан Сяобао.[7]

“Как сказать, ~не. Если вы говорите, что ничего хорошего в этом нет, то также подойдет сказать, что это работает с благими намерениями [8] — это просто зависит от того, с какой точки зрения вы подходите к этому”.

“Нравится?” - подсказал Ван Хуан.

“Как торговые торговцы, зарабатывающие деньги, это хорошо или плохо, не так ли? Если они хотят получить прибыль, они могут покупать только дешево, чтобы продавать дорого”. - задумчиво произнес Чжан Сяобао.

Когда Ван Хуан, которая лежала там, услышала эти слова, она мгновенно села, уставилась на Чжан Сяобао и сказала: “Ты хочешь купить продовольственное зерно? Вы хотите накопить, чтобы загнать рынок в угол?”[9]

“Не говори глупостей. Сколько денег я могу иметь — и копить тоже? Я подумываю о том, чтобы закупать продовольственное зерно на месте. Сегодня здесь был богатый урожай, поэтому продовольственное зерно дешевое; в следующем году перевезите его куда-нибудь еще, чтобы продать и заработать большую сумму”. Чжан Сяобао наконец озвучил свою цель вслух.

”Какое место?"

“Во-первых, не могу этого сказать. Если об этом говорят с другим человеком, тогда секрет перестает быть секретом”. Чжан Сяобао снова отказался.

“С этого момента я вообще не буду спрашивать. Ты думаешь об этом Мошеннике Суне и о том, как его нужно будет обмануть”.

“Я не божественный мудрец и даже не монстр. Давай подождем. Попросите управляющего Чжана связаться с вами завтра; если придут солдаты, генерал разберется с этим”.[10]

На следующий день Сун Цзин-гун, как и ожидалось, пришел в здешнее здание суда. Приходить один раз в день, это уже вошло в привычку. Первоначально он предполагал, что сегодня у него не будет никаких результатов, но кто знал, что привратник возьмет деньги, которые он дал, чтобы войти внутрь для уведомления, и что сам управляющий Чжан действительно вышел поприветствовать его.

“Хе-хе, мистер Сун, придя сюда, должно быть, долго ждал? Быстро, следуйте за мной внутрь.” Управляющий Чжан с энтузиазмом провел Сун Цзин-гуна в гостиную, отчего Сун Цзин-гун почувствовал себя немного непривычно.

Когда оба человека сели, слуги принесли воду для чая, которая закончила завариваться. Сделав несколько глотков, управляющий Чжан открыл рот, чтобы сказать: “Если господин Сун приехал сюда на столько дней, это, безусловно, должно быть важным делом? Сегодня хозяйка уехала по делам, и ей потребуется несколько дней, чтобы вернуться. Все дела в поместье были переданы для управления этому Чжану. Если мистер Сун хочет что-то сказать, пожалуйста, говорите.”

Услышав эти слова от управляющего Чжана, Сун Цзин-гун почувствовал искушение в своем сердце и осторожно спросил: “Решения по финансовым вопросам тоже могут быть приняты?”

"конечно. Моя семья была Управляющими семьи Чжан на протяжении нескольких поколений; ничтожный вопрос о выделении средств, естественно, не является невозможным”. управляющий Чжан ответил с некоторой надменностью.

“О, если это так, как вы сказали, то управляющий Чжан очень уважаем в этом Поместье Чжан. Поздравляю, управляющий Чжан. - Сун Цзин-гун был польщен.

“Хорошо сказано, хорошо сказано. Мистер Сун мог бы с таким же успехом поговорить о деле, ради которого вы пришли.” Управляющий Чжан прищурил глаза, судя по всему, ему нравилось, когда его хвалили.

“Это хорошо. Тогда Сун будет здесь. У меня есть магазин в этом округе Саньшуй[11], который специализируется на антиквариате и искусстве”.[12] тихо сказал Сун Цзин-гун.

"ой? Может быть, это для того, чтобы я пошел и купил каллиграфию и картины? ” спросил управляющий Чжан.

”Нет, это для того, чтобы обсудить другой важный вопрос — вопрос о том, как разбогатеть". Сун Цзин-гун наконец произнес вслух слова, которые, по его мнению, были полны искушения.

Примечания

1“Гу бу цзы фэн” (□□□□) - это двустишие из 4 символов, которое буквально переводится как “твердая ступень самоуплотнения” и используется для описания человека, который не совершенствуется и закрылся от мира. Примерно эквивалентным английским выражением было бы “полагаться на свои заслуги”, когда человек решает полагаться на свою существующую репутацию или известность, но не утруждает себя дальнейшим совершенствованием, рискуя, что их соперники или враги настигнут его в будущем.

2Я буквально перевел название “мао цао” (□□), чье научное название - Imperata cylindrica. Поскольку это трава, произрастающая на обширных территориях мира, включая Азию, Африку и Океанию, с ней связано несколько других названий. Однако в китайском языке его название в основном происходит от его функции, которая заключается в его использовании для покрытия крыш зданий. Его также можно использовать в медицине и в других ремесленных изделиях.

3“Ай хао” (□□) - растение, наиболее известное своим использованием в традиционной китайской медицине. Его также можно назвать ai cao /□□ (трава ай) или aiye /□□ (лист ай), но его научное название - Artemisia argyi. Он обладает многими эффектами, запрещенными для него, и имеет множество применений в различных областях.

4Я перевел “лао чжан” (□□) как “старый отец”, потому что это уважительный способ обращения к пожилому человеку, а чжан /□ также является частью официального обращения к тестю, "юэ чжан" ”□□).

5Время в Древнем Китае делилось на десятичные дроби, а традиционными единицами времени для деления суток были шичэнь /□□ (2 часа), фэнь /□ (минута), мяо /□ или хао /□ (секунда). Точное количество единиц времени ke /□ сильно менялось на протяжении истории, но поскольку оно составляло примерно около 15 минут, прежде чем, наконец, было модернизировано и стало равным ровно 15 минутам, я решил перевести ke /□ как четверть часа.

6“Мао фан” (□□) - это древнекитайские эквиваленты уборных или надворных построек, поскольку они представляли собой вырытые в земле ямы с соломенными крышами. Очевидно, это было открытое здание, отделенное от жилых районов. Излишне говорить, что в наши дни они - редкое зрелище в Китае.

7Здесь используется текст “da de she me suan pan” (□□□□□□), что буквально означает "удар по тому, что суанпан / счеты”. Сложные математические вычисления производились с помощью суанпана (□□) в Древнем Китае, китайских счетов. Поскольку иероглиф, обозначающий план или схему (цзи /□), также имеет серьезные коннотации с вычислениями, акт использования счетов (да суан пан /□□□) был бы естественной метафорой для китайцев, которую они

использовали бы при описании кого-то, замышляющего или строящего планы для своей собственной выгоды.

8Здесь есть небольшая игра слов, поскольку Сяобао отталкивается от выбора Хуан-Хуаном формулировки, чтобы использовать два 4-символьных двустишия, которые оба содержат “хао синь” (□□), что означает “доброе сердце”. Я перевел “мэй ань хао синь” (яп.яп.яп.яп.яп.яп.яп.яп.яп.яп.яп.яп. Надеюсь, эта небольшая игра слов очевидна в английском переводе.

9“Тун цзи цзю ци” (□□□□) - это китайская идиома, которая описывает закупку товаров в огромных количествах, пока цена низкая, с намерением дождаться или создать будущую ситуацию, когда их цена взлетит до небес из-за редкости, чтобы продать их с экспоненциальной прибылью. Поскольку в Китае исторически было много эпидемий и голода, которые вызывали нехватку продовольствия и соответствующий рост цен, это выражение имеет политически чувствительный оттенок, поскольку чаще всего или нет, китайские торговцы извлекали большую выгоду из нищеты населения, используя нестабильное снабжение продовольствием в качестве основы для своего состояния. Отсюда и дурная репутация торговцев в Древнем Китае.

10На самом деле это первая половина предложения длиной в 8 символов на китайском языке: “Бин лай цзян данг, шуй лай ту янь” (□□□□□□), которое иллюстрирует адаптацию своей реакции в соответствии с потребностями момента или текущей угрозой. В переводе эта идиома означает: “если придут солдаты, генерал преградит им путь; если придут воды, земля покроет их”. Однако, как и в случае с этими фразами, первое двустишие из 4 символов (Bing lai jiang dang /□□□□) цитируется чаще и, как правило, действует как мнемоническое устройство для всей цитаты. Примерно эквивалентным английским выражением было бы: “Что придет, то придет, и мы встретим это, когда это произойдет”, которое можно аналогичным образом сократить до “Что придет, то придет”.

11Поскольку я решил использовать пиньинь для названий мест, чтобы они совпадали с названиями реальных исторических мест, когда они упоминаются, отныне яп.□□ будет транскрибироваться как “Округ Саньшуй”. Саньшуй/□□ просто означает “Три воды”.

12Здесь используется фраза “гу ван цзы хуа” (□□□□), что переводится как “антиквариат, каллиграфия и картины”. Поскольку zihua /□□ обычно считался предметом коллекционирования, именно по этой причине я выбрал этот перевод.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/57462/2061225